

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

ЗНАКОМСТВО ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Перед нами записки Григория Шура, повествующие о жизни и смерти евреев в Виленском гетто. Эта книга относится к числу тех немногих книг о Катастрофе, которые создавались не после нее, а во время, — книга не о происходившем, а о происходящем, не о пережитом, а о переживаемом. Григорий Шур рассказывает о чудовишных “акциях” нацистов, когда эти “акции” еще продолжают. Он подробно сообщает “о способах убийства на Понарах” (место неподалеку от Вильнюса — литовский Бабий Яр), убежденный, что Понары у него впереди. Он заносит в тетрадь, что решен вопрос об окончательной ликвидации гетто и рабочих блоков, свидетельствуя о собственной близкой гибели. Это — бесстрашная книга.

«Ни места, ни бумаги, ни чернил. Писал в страшной тесноте, иногда в клозете, иногда в сарае, когда не имел чернил, то писал карандашом, писал на колене или на подоконнике, почти никогда за столом»... Прибавим: каждая минута, проведенная им с карандашом в руке над сво-

ими листками, будь он застигнут, неумолимо оказалась бы последней в его жизни. Но он — писал...

Всех тетрадей — тридцать девять. Судя по хронологической разрозненности записей, Шур, похоже, вел сразу несколько тетрадей, которые прятал в разных местах, всякий раз заполняя ту, которая оказывалась под рукой.

Рукопись не похожа на дневник, хотя многие записи озаглавлены датами. Нередко датой отмечается не самый день записи, а число, месяц и год, когда произошло то или иное событие, ставшее вехой в жизни тысяч заточенных в гетто виленских евреев, точнее — вехой на их пути к гибели. Нередко под одной датой собраны события, происходившие на протяжении достаточно длительного отрезка времени, — дата фиксирует определенный рубеж в работе автора. Некоторые страницы рукописи являются уже обобщением материала и, совершенно очевидно, представляют собой наброски глав будущей книги, которую, если вдруг останется в живых, предполагал написать Григорий Шур.

Заметки Григория Шура отличаются от дневника еще и тем, что речь почти никогда не ведется от первого лица, местоимение “Я”, неизбежное во всяком дневнике, практически отсутствует (кажется, лишь единственный раз, рассказывая о сошедших с ума детях, чудом уцелевших во время убийства всех близких, он признается, что не чувствовал в себе — Я! — душевных сил, чтобы оставаться с ними). Он не находит места для рассказа о своей судьбе отдельно от судьбы своего народа. Даже в повествовании об уничтожении — “похищении” — последних еврейских детей, после ликвидации гетто еще обитавших в рабочих блоках, он не упоминает о том, что среди “похищенных” был и его тринадцатилетний сын. Утром, когда взрослых выстроили, чтобы вести на работы, и объявили, что всех детей увозят на “медосмотр”, мальчик сумел выбежать из подъезда дома, уже оцепленного полицейскими: “Мамочка, где взять чистую рубашку — нас ведут к врачу...” (Знаю об этом не из рукописи.)

Позиция автора записок, его взгляд на происходящее вокруг, суждения, симпатии и антипатии, самый тон повествования достаточно полно и глубоко открывают нам его личность. Для знакомства же с внешней стороной жизни Григория Шура ограничимся скухими сведениями, содержащимися в письме его дочери Мириам Повимонской-Шур, с помощью отца бежавшей из гетто (ее “одиссея” сама по себе могла бы стать темой книги) и в настоящее время живущей в Израиле (вся работа по подготовке рукописи к печати велась с ее ведома и в полном соответствии с ее пожеланиями). Она сообщает:

«Отец, Григорий (Гирш) Шур, родился в Вильне в 1888 году, в ноябре. Его отец, Арон, был маляром вывесок и имел магазин красок. Отец рос в религиозной семье, до шести лет ходил в хедер*. Потом поступил в русскую коммерческую гимназию, где училось 10% еврейских учеников. Отец успешно окончил гимназию. В юности занимался политикой. Кажется, был членом социал-демократической партии. Был редактором газеты “Одна копейка”. Был арестован и сослан в Астраханскую губернию, в прикаспийские степи. Там он жил среди переселенных в те же степи русских религиозных сектантов, молочан и субботников. В конце 1913 года вернулся в Вильно. В 1914 году, когда немцы оккупировали Вильно, издавал газету на немецком языке; как она называлась, не знаю. После революции он, вроде бы (не знаю точно, отец не хотел об этом вспоминать при поляках, но что-то дошло до меня), короткое время служил в Красной Армии. Поляки его судили, он сидел, с трудом освободился. Получил в наследство от отца магазин красок, потом открыл также магазин электрических товаров. Долгое время сторонился политики. В 30-е годы участвовал в создании партии “Фридланд”. Ее задачей была организация еврейских сельскохозяйственных кооперативов. Я знаю один такой коо-

* Комментарий к словам, отмеченным звездочкой, см. на с. 222. — *Прим. ред.*

ператив, который за год или за два до войны 1939 года был ликвидирован как нерентабельный. В 1940 году, после установления советской власти в Литве, отец был редактором газеты “Гудок”. Это была маленькая газета железнодорожного управления. В сентябре 1941 года, когда город был захвачен немецкими войсками, нашу семью, как и всех остальных евреев, загнали в гетто. Позже отца перевели в лагерь (рабочий блок) при меховой фабрике “Кайлис”. Был оформлен электротехником, но работал на сортировке солдатской одежды, разбирал — которая на починку, которая на латы. Меховые вещи доставляли с передовой, реквизировали у местных крестьян, евреям в гетто тоже приказано было сдать все, включая воротники и подкладки от зимних пальто. На складе, в сарае, где работал отец, если не было строгого надсмотрщика, он выбирал время писать свои заметки. Случалось, он спешил записать что-то важное и устраивался подальше, в сторонке, за полками, столами, кучами сваленной для переработки меховой одежды; напарник стоял на страже, а над головой раздавались шаги обитавшего на втором этаже эсэсовца Рихтера, беспощадного надсмотрщика и палача, поставленного следить за всеми и за всем в рабочих блоках “Кайлиса” (у эсэсовца была небольшая голова на непомерно длинной красной шее — в разговорах жителей блоков он фигурировал под прозвищем “голошейка”). Иногда отец писал дома, найдя себе местечко в углу многолюдной квартиры. Квартира в гетто состояла из комнаты с окном и маленькой комнаты без окна — кухни. Жили: бабушка Нехам, тети и дяди с детьми — Маня, Давид, Хая с сестрой, Ася, Женя, Соломон, Таня, Мироша, родственники — глухонемая Мария, сестра бабушки, Гинда, Лева, Рая, Ефим, еще Люба Галынская, наша семья — четверо, Комиссаровы — трое, Ольга Поляк, невестка Хаи. Всех вместе — 24 человека. Если бы я умела описать, как дружно мы жили в такой тесноте, это было бы поучительно...»

К этим немногим строкам прибавлю, что в молодости Григорий Шур посетил в Ясной Поляне Льва Толстого,

беседовал с ним и даже получил от него в подарок автограф на большой фотографии с картины Репина “Лев Толстой на пашне” (фотография до войны хранилась в доме Шура), а также упомяну о приятельских отношениях, связывавших Григория Шура с Семеном Ан-ским*, создателем всемирно известной трагедии “Гадибук”. Если интерес к Толстому мог явить себя во вдумчивом, неоднозначном отношении автора записок к людям, к их помыслам и поступкам, которые он наблюдал в экстремальных условиях гетто, то дружба с Ан-ским оказалась важной побудительной причиной самой работы над записками. Слушая рассказы Шура об астраханской ссылке, Ан-ский требовал, чтобы он записал свои впечатления, и серьезно упрекал его, что он не сделал этого. Работая над записками в гетто, Шур часто вспоминал наставления уже покойного друга и говорил, что теперь его уже никто не сможет упрекнуть.

Как видим, внешние контуры жизни и судьбы Григория Шура, в общем, не дают особых оснований вывести его из круга “обыкновенных людей”. Но типическая биография, типические жизненные коллизии не опровергают, а, как раз наоборот, по-своему подтверждают мысль, что каждый живущий на земле человек (каждый из нас) есть, в известном смысле, лицо историческое. Подробности жизни и судьбы “обыкновенного человека” составляют, иллюстрируют, уточняют те, на первый взгляд незначительные, частные пути и события, из которых, в конце концов, складываются события первостепенной важности, направление движения народов и государств — история. Впрочем, сама по себе работа над записками под прицелом смерти, стремление, даже ценой собственной жизни, запечатлеть историю, придает личности Григория Шура безусловную неповторимость.

В книге Шура мы найдем описание массовых убийств и планомерно проводимых “акций” постепенного уничтожения еврейского населения, жестокости, садизма, лицемерия нацистов. Мы, казалось, уже основательно вы-

учили и запомнили все, что касается преступлений немцев, литовских и многих прочих боевиков и добровольцев. Картины Катастрофы, которые открываются на страницах этой книги, множество подробностей, прежде неизвестных, оживляют нашу память, заставляют с новой силой проживать их в мыслях, чувствах и воображении.

Но записки предлагают нам и иные уроки. Самый горький из них — очевидный успех (в Виленском гетто во всяком случае) древней, обращенной к худшим сторонам человеческой души, политики “разделяй и властвуй”. На одном полюсе Катастрофы — собранные убийцами все без исключения евреи с целью их всеобщего уничтожения, на другом — часто — разобшение на краю братской могилы, стремление любой ценой, пусть ценой жизни другого, других, устоять, удержаться на скользком, крутом обрыве.

Пишу это с трудом: желание выжить — один из мощнейших стимулов человеческого поведения, оно к тому же вооружает человека изобретательнейшей способностью самооправдания, особой логикой обоснования своих поступков, — нам ли судить вчерашних смертников?.. Но есть нравственный предел, переступив который, человек обрекает себя на жизнь, утратившую главные человеческие ценности, самый смысл бытия, если не видеть его только в продлении существования, — и это нам из нашего Сегодня, пожалуй, виднее.

Горько читать про еврейских полицейских, старательная жестокость которых была не только покорным исполнением тягостных обязанностей ради собственного спасения, но, в значительной степени, — проникнутым дольствием собой, горделивым самоутверждением, властолюбием, корыстью. Недаром еврейские полицейские выслужили доверие палачей, которые, конечно же, в конце концов, станут и их палачами (какое нужно низменно высокомерное самодовольство, чтобы не сознавать этого!).

В книге, на всем ее пространстве, сталкиваются две идеи и, соответственно, две политики, возможные в эпоху

Катастрофы: героическая и прагматическая. Одни полагали, что лучше умереть в борьбе, чем дать уничтожить себя безнаказанно, с растоптанной душой покорно ожидать смерти. Другим представлялось, что сговором с убийцами, лавированием, уступками удастся уберечь от гибели некоторое число евреев.

Сегодня новое поколение требует у старшего ответа: почему позволяли убивать себя, не сопротивлялись? Исторический опыт молодых несравнимо больше нашего: он включает в себя также историю и опыт Катастрофы. Сегодня вопрос о возможности соглашения с национал-социалистами решался бы, наверно, иначе. В истории еврейского народа есть героическая страница Масады: в I веке н. э. все защитники этой крепости, осажденной римлянами, будучи не в силах далее сопротивляться, убили друг друга, в том числе женщин и детей, или покончили с собой, но не сдались на милость победителей. “Масаду” не объявишь приказом, не начнешь по доброму совету — к ней приходят в единении мысли и чувства. История восстания Варшавского гетто открывает нам, как вызревает дух Масады.

В Вильне были сторонники героического пути, группы сопротивления. Григорий Шур пишет о них немного: чего-то он, конечно, не знает, что-то, можем предположить, не хочет доверять бумаге. Но здесь, в силу обстоятельств, главенствовали прагматики. Не поспешим осудить их, как не спешит с безоговорочным осуждением Григорий Шур. Герои прекрасны (автор неизменно любит ими), но всякое их деяние, как оно ни привлекательно, влечет за собой смертный приговор сотням и тысячам остальных, цепляющимся за жизнь и надеющимся на чудо. Нам, с нашим сегодняшним знанием, что все равно все погибли, легче гипотетически решать судьбы этих сотен и тысяч (хотя тех, кто остался в живых благодаря спискам всевозможных Шиндлеров, а затем быстрому наступлению Советской Армии, тоже из памяти не вычеркнешь).

Героизм, без сомнения, вел к многочисленным жертвам,

Григорий Шур с женой и детьми, Мириам и Ароном.
Фотография из коллекции Мириам Повимонской-Шур

ИЮНЬ—ИЮЛЬ 1941 ГОДА. НАЧАЛО

События нагрянули неожиданно и разворачивались с молниеносной быстротой. Ночью с субботы на воскресенье 22 июня 1941 года немецкая армия без объявления войны перешла установленную границу и стремительным маршем двинулась в глубь страны. Выбор дня и часа наступления, надо признать, был очень удачным: советские военные и гражданские служащие проводили канун выходного дня и самый выходной день в беспечных гуляниях, вечеринках, попойках. Начало войны застигло большую часть должностных лиц врасплох.

В подготовке нападения немцев немаловажную роль сыграли местные гитлеровские организации. В прибалтийских странах давно существовала широко разветвленная немецкая шпионская сеть, опиравшаяся на местных сторонников нацистской Германии. Немецкий генштаб был, конечно, детально информирован о военной и гражданской жизни страны, о численности и расположении советских войск и т. д. Местные гитлеровцы за месяцы совет-

ской власти в Литве заняли ответственные посты во многих учреждениях, народных комиссариатах, на фабриках и заводах. Советские руководители, поощряя быстрое повсеместное выдвижение национальных кадров, нередко оказывались излишне доверчивыми и неразборчивыми.

Вместе с тем на настроение населения сильно повлияла депортация огромного числа людей на восток Советского Союза.

За восемь дней до начала военных действий, 13 июня 1941 года, одновременно во всей Прибалтике, в Литве, Латвии и Эстонии, начались, по заранее составленным спискам, массовые аресты и вывоз всех, кто был признан нежелательным для советской власти элементом. Много страха пережило население этих стран. Целую неделю днем и ночью по городам и селам забирали людей и отвозили на железнодорожные станции, где загружали в заранее подготовленные товарные вагоны. Длинные эшелоны, битком набитые высылаемыми, — в одних вагонах женщины с детьми, в других мужчины, — двигались по прибалтийским железным дорогам или часами простаивали на узловых станциях. Вагоны были крест-накрест заколочены досками, из маленького четырехугольного отверстия, вырезанного в нижней части двери, стекали нечистоты. Стояло жаркое лето. Арестованные, набитые в душные вагоны, как скот, изнемогали от тесноты, от жажды, от голода, но солдаты НКВД, охранявшие эшелоны, не подпускали к ним никого, кто желал бы подать высылаемым хлеба, молока или воды. Картина была страшная. Эта депортация привела к тяжелым последствиям для советских войск в начале военных действий, повлияла на поведение местного населения после прихода немцев. Для многих немцы стали действительными или возможными спасителями от грядущей высылки, без всяких усилий они приобрели себе новых друзей, а в скором будущем и ревностных исполнителей предпринимаемых ими акций. Массовый вывоз местного населения был на руку и немецкому командованию: все товарные вагоны, имевшиеся в

Прибалтийском крае, были заняты высылаемыми, узловые станции заперты проезжавшими или стоявшими на путях эшелонами, — в итоге, когда руководству Красной Армии понадобилось срочно перебросить сюда новые силы, не оказалось ни вагонов, ни свободных железнодорожных путей.

Возможность натравливать одну часть населения враждебного государства на другую постоянно используется противоборствующими сторонами перед началом войны; существенное место при этом почти непременно отводится разжиганию антисемитизма. Думается, что известное дело Бейлиса*, на шумевшее незадолго перед началом Первой мировой войны, было сфабриковано не без участия немецкого генштаба. Перед нападением германской армии на Польшу в 1939 году немецкая агентура также организовала активную антисемитскую кампанию. В сейме был, через жену министра Пристера, поднят нелепый вопрос о ритуальном убийстве скота. С помощью польских националистов проводился бойкот еврейских торговых и промышленных предприятий (у входа в еврейские магазины выставлялись специальные пикеты с плакатами: “Свой к своему и по свое!”). Действовавшие в толпе провокаторы подстрекали к избиению евреев на улицах. Антисемитизм был пробужден и в студенческой среде, где дело тоже подчас доходило до рукоприкладства. Наблюдательный человек мог без труда заметить рост антисемитских настроений и в 1941 году в Прибалтике. Несмотря на установление там советской власти, для многих не было секретом существование замаскированных националистических и сочувствующих национал-социализму организаций.

О начале военных действий в Вильне стало известно уже с утра 22 июня 1941 года. Одиночные немецкие солдаты появились под городом около 10 часов утра, но их принимали за красноармейцев, так как накануне объявили, что здесь будут проводиться учения, и подавали пробные сигналы воздушной тревоги. В 11 часов по радио выступил Молотов. Около 12 часов немецкие самолеты начали

бомбить город, а также места отдыха, куда многие жители выехали, чтобы провести выходной день на природе. В городе поднялась тревога. Те, что решили бежать, поспешно готовились к отъезду, некоторые оставляли город немедленно, уезжая на велосипедах или отправляясь на восток пешком.

Вечером 22 июня началась уже серьезная бомбардировка города. Немцы, видимо, хотели уничтожить большой Зеленый мост через реку Вилию и сбросили около 50 бомб; мост остался цел, бомбы повредили окрестные дома и здание газового завода.

На другой день тревога в городе усилилась. На вокзале была уже настоящая суматоха. Множество людей, вчера еще не веривших в серьезность положения, теперь толпились здесь с наспех захваченными вещами, стараясь проникнуть на перрон и попасть в какой-нибудь поезд. Литовские железнодорожники почему-то заперли решетчатую железную дверь, ведущую прямо на перрон; люди, помогая друг другу, бросились перелезать через забор. Увидев это, советские железнодорожники распорядились снова отворить дверь, и толпа повалила прямо на железнодорожные пути, где на пятой линии находился состав более чем из 50 вагонов, без паровоза, а на первой линии маленький состав всего из 6 пассажирских вагонов, одного товарного и паровоза под паром. В большой поезд пускали всех желающих уехать, и он был битком набит, в маленький могли попасть только начальствующие лица по специальным пропускам. Особенно тяжким было положение женщин, жен большевиков: они хотели со своими детьми поскорее пробраться в поезд, чтобы уехать отсюда, но никто не обращал на них внимания, не помогал им. Неожиданно над вокзалом показался одиночный немецкий самолет. Люди в страхе попрятались в подземные туннели, по которым в обычное время проходили с перронов в здание вокзала. Находящиеся тут советские военные стали обстреливать самолет из ружей и револьверов. Но самолет был высоко, описав несколько кругов над террито-

рией станции и не бросив ни одной бомбы, он улетел в направлении Ковно. По перрону расхаживали литовские и советские железнодорожники, а также группа членов городского исполнительного комитета. Литовские железнодорожники всячески задерживали отправление поездов. Наконец подали паровоз под большой состав, и поезд был отправлен. Следом отошел и маленький состав с последними советскими властями.

К вечеру небо над городом осветилось сброшенными на парашютах ракетами, немецкие самолеты бомбили жилые дома в центре города и на окраинах. Советских войск в городе почти не было. Они вместе с подразделениями литовской армии еще месяцем-другим раньше выехали в летние лагеря. Отдельные советские военные грузовики мчались через город, удирая без оглядки. В некоторых местах литовцы устроили засады и ночью обстреливали проезжавшие советские автомашины. Значительная группа литовских солдат вместе с литовскими добровольцами укрылась в садике францисканской церкви на Троцкой улице, где находились небольшие литовские казармы, ночью они обстреливали каждый следовавший мимо советский грузовик. Таковую же засаду литовские добровольцы и солдаты устроили на Замковой горе еще днем, но легкий советский танк поднялся туда и расстрелял заседавшую группу.

Во вторник 24 июня, на рассвете, в город вошли первые немецкие части. За ними следовали мотоциклы, вооруженные пулеметами, по три солдата на каждом. А затем несколько дней и ночей безостановочно, как стальная лавина, катилась через город немецкая армия. Пехота почти вся на автомашинах, большое количество моторизованной артиллерии на гусеничных лентах, с каждой частью следовало значительное число зенитных орудий, приготовленных к стрельбе на ходу. Кавалерии и больших танков было сравнительно мало.

С появлением в городе первых немецких частей так называемые литовские "активисты", многие из которых

Мне кажется, я могу сказать, как монах в пушкинском "Борисе Годунове": "Еще одно, последнее сказанье, и летопись окончена моя". Я писал почти о всех событиях еврейской жизни с начала войны между Советской Россией и Германией до 1943 года... Что-то меня тянуло, что-то требовало от меня: "Пиши, пиши"...

Григорий Шур

Эта книга относится к числу тех немногих книг о Катастрофе, которые создавались не после нее, а во время, — книга не о происходившем, а о происходящем, не о пережитом, а о переживаемом.

В. Порудоминский

ISBN 5-88857-066-4

9 785888 570661